

ГАСТРОЛИ
ТЕАТРА
«АТЕЛЬЕ»

ВЫСОКОЕ МАСТЕРСТВО

Современно-античный трагизм «Антигоны» Жана Ануйя, антимещанский сарказм «Погребения» Анри Монье, народный демократизм «Севильского цирюльника» Бомарше — все подвластно такому мастеру, как Андре Барсак, талантливому руководителю французского театра «Ателье», закончившего вчера свои гастроли в Москве.

В репертуаре наших гостей и произведение русской классической драматургии «Месяц в деревне» И. Тургенева. Режиссер и переводчик А. Барсак сумел воссоздать в своем спектакле главное: атмосферу усадьбы Ислаевых, самый воздух, которым дышат и в котором томятся, испытывая тщетные или реальные надежды, Наталья Петровна и Верочка, Ракитин и Беллев, Шпигельский и Ислаев...

«Ателье» соединил в своем репертуаре лучшие образцы отечественной драматургии прошлого и настоящего с прекрасными произведениями русских писателей от «Братьев Карамазовых» до «Чайки», от «Ревизора» до «Клопа»... В этом, мне кажется, и состоит парадокс с другими прогрессивными чертами особенность данного театра. Особенность для нас драгоценная вдвойне: во-первых, потому что наша литература находит на этих подмостках яркое воплощение; во-вторых, в этой склонности мы усматриваем символ и практическое проявление взаимной симпатии людей искусства Франции и СССР, их творческие контакты.

«Месяц в деревне» — спектакль редкостно интеллигентный, тонкий, изящный. Долгие и живые французские связи Тургенева наложили известный отпечаток на его пьесы. Это облегчило, очевидно, решение сложных задач, возникших при постановке комедии на французской сцене. Но в «Ателье» спектакль «Месяц в деревне» сохранил и то глу-

боко национальное, что присуще всему творчеству писателя. И здесь — объяснение успеха всех 450 представлений «Месяца в деревне» в этом театре.

Конечно, Тургенева можно было бы сыграть и острее и «злее», немного больше подчеркнув критическое отношение автора к современному ему обществу, к бездейственности, хотя и изысканной болтовне героев типа Ракитина; с насмешливым подтекстом в адрес ряда других персонажей. Театр избрал интерпретацию более лиричную и мягкую. Что ж, в этом тоже есть своя логика и, главное, убедительность. Французы доказали право на свое прочтение комедии, исходя из мысли, высказанной постановщиком «Месяца в деревне»:

«По смелости и поизине поисков Тургенев на пятьдесят лет опередил свое время. Задолго до Чехова он нашел то, что позднее называли внутренним действием, когда диалог не отражает подлинных мыслей действующих лиц, паузы значат так же много, как и речь, текст полон намеков, недомолвок, а не утверждений. Его пьесы окрашены совершенно особым очарованием, сотканным из простоты и лиризма; они окутаны дымкой нежной грусти, которая не может оставить равнодушным».

Эти слова сказаны Андре Барсаком. Понятно, что когда такое восхищенное понимание Тургенева соединяется с творческим даром режиссера, недожиданными способностями исполнителей и работой художника Жака Дюпона, то достигается именно та поэтичность, которая и поразила нас в спектакле.

Его герои — тургеневские. Это и есть, наверно, высшая аттестация мастерства актеров. И прежде всего Дельфин Сейриг. Она — незаменимая исполнительница роли Натальи Петровны. Труднейшей роли! Говорю это с такой уверенностью потому, что сама долго играла Ислаеву, сама ставила «Месяц в

деревне» и знаю, как сложно сделать такой спектакль, как сложно создать сценический образ Натальи Петровны.

В ней — огромная история женской души. Ведь, помимо любви к «русскому учителю» ее сына, студенту Беллеву, помимо увлечения таким необычным для ее окружения молодым человеком, в ее характере есть какое-то хорошее буйство, протест против раз и навсегда установленного «внутреннего распорядка» человеческих взаимоотношений, талант души — молодой, порывистой, мечтательной. Она радуется свежему ветру и свежему чувству. Она чиста и по-женски коварна. Она соткана из противоречий в соединении комического и драматического — самое серьезное затруднение для исполнительницы этой роли.

Дельфин Сейриг мастерски преодолевает все сложности роли, несколько ее не упрощая. Перед нами — большая актриса, чья игра с завидной естественностью раскрывает контрастный и богатый внутренний мир своей героини.

И вот другой образ — Верочка. Сколько прекрасных исполнительниц этой роли мы помним! И несмотря на память, которая сохранила их всех, начиная с Лидии Михайловны Кореневой в мхатовской постановке «Месяца в деревне», французская Верочка — Элизабет Ален производит очаровательное впечатление. Не только потому, что, как и Дельфин Сейриг, она хороша собой, и внешний рисунок созданного ею образа точно совпадает с замыслом автора. Элизабет Ален в первой половине спектакля — еще дитя: это семнадцатилетний ребенок, чуть угловатый и застенчивый, но не такой уж робкий... Последнее качество служит как бы обещанием того, что к финалу комедии Верочка вырастет и окажется ровней своей благодетельнице. Объяснение двух женщин —

психологическая кульминация спектакля. Оно происходит без всякой аффектации, но так искренне, что обе актрисы плачут настоящими слезами, каждое их слово наполнено неподдельным чувством, в котором смешаны любовь, возмущение, нежность, сострадание... Перед нами духовно возмужавшая, полная гнева и собственного достоинства Вера противостоит растерянной и смятенной гордости Натальи Петровны.

Мне очень понравилась ее свекровь — Анна Семеновна Ислаева в исполнении Марсель Эппа. В ней много независимости собственницы, в ней чрезвычайно развито «помещичье начало» и, когда она даже безмолвно играет в карты, в ней чувствуется хозяйка — богатая русская барыня...

Мужской состав «Месяца в деревне» превосходен. И едкий, только в самом начале показавшийся далеким от русского, тургеневского духа Шпигельский в исполнении Оливье Юссено, и свободный даже от тени «комического нажима», удивительно органичный в образе уральца Большинцова Жак Франваль, и добрый, простодушный и прямодушный муж Натальи Петровны — помещик Ислаев — Жан Дави — все, безотносительно к размеру отведенного им текста, включают своих персонажей в общий ансамбль, рисуя их с тем же тонким чувством стиля, что и их коллеги главных ролей.

Жак Франсуа — Ракитин и Бернар Руссле — Беллев. Противоположные характеры, полярные эмоции, представители двух культур: Ра-

китин — дворянин, «голубая кровь», глубоко и безнадежно любящий Наталью Петровну, страдающий и все-таки подсмеивающийся над собой человек. Его обалтие, остроумие, утонченность мысли, правдивость русского интеллигента выражены с такой естественностью, будто он совсем «ничего не играет». Но кто из нас не знает, что вот это самое умение якобы без всяких усилий, «ничего не делая», воссоздать на сцене сложнейшую «жизнь человеческого духа» и есть самое трудное (и самое прекрасное!) в работе актера.

Таким даром наделен и Бернар Руссле. Его Беллев — типичный русский разномыслие — представитель того нового, нарождавшегося во времена Тургенева направления, которое нашло столь яркое воплощение в романах писателя. Правдивость Беллева, его чистота и непосредственность вызывают симпатию, которая возрастает «по ходу действия», и нам жаль с ним расставаться почти так же, как тем героям комедии, которые горячо полюбили этого сильного, умного и непосредственного юношу.

Впрочем, нам вообще было жаль расставаться с французским театром, которому хотелось на прощание сказать по-русски:

— Спасибо!

С. ГИАЦИНТОВА.
Народная артистка
СССР.

На снимке: Жак Франсуа — Ракитин, Дельфин Сейриг — Наталья Петровна в спектакле «Месяц в деревне».

5961 ИЮН 7 1965

И. Р. А. В. А. С. МОСКВА